

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.026

УДК 94(477.75) + 929 Наполеон (44)*1 +
+ 327(44:470)“18” + 355(44)“1799/1815”**Н. И. Храпунов***Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия*

КРЫМ В КОНТЕКСТЕ ФРАНКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ ЭПОХИ НАПОЛЕОНА*

Одним из элементов иностранной политики Наполеона стала попытка вернуть утраченное влияние в Восточном Средиземноморье и Причерноморье, традиционной зоне французских интересов. В статье показано, как Наполеон и его окружение собирали информацию о Крыме и пытались использовать полуостров в международной политической игре. В 1802 г. по инициативе Наполеона Франция и Россия договорились о взаимной торговле на Черном море. В 1803 г. полуостров посетил дипломат Жан Рёйи, подготовивший его энциклопедическое описание и предложивший использовать Крым в качестве плацдарма для торгового проникновения во внутренние губернии России и далее в Центральную Азию. Продемонстрировано, что планы Наполеона варьировались в зависимости от текущей политической ситуации. В феврале 1807 г. на переговорах о заключении союза с Османской империей Франция обещала туркам помощь в отвоевании Крыма, но позднее Наполеон предложил Александру I поделить между собой Османское государство. Накануне вторжения в Россию в окружении Наполеона обсуждался проект создания на границах России барьера из зависимых от Франции стран. Среди них предусматривалось возрожденное государство крымских татар, которые должны были стать союзниками французов в борьбе с Российской империей. Хотя политика российских властей в отношении крымских татар во время вооруженных конфликтов 1806–1814 гг. отличалась известной двойственностью, свидетельствующей о неполном доверии к этой группе подданных, однако крымские татары остались лояльны России, а некоторые из них отличились в Наполеоновских войнах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Крым; Наполеон; шпионаж; записки путешественников; Наполеоновские войны; Российская империя; крымские татары.

Ц и т и р о в а н и е: Храпунов Н. И. Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 69–86.

Поступила в редакцию 10.02.2019

Принята к печати 18.04.2019

* Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0013 («Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия»).

Nikita I. Khrapunov*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia*

THE CRIMEA IN THE CONTEXT OF FRENCH-RUSSIAN RELATIONS IN THE AGE OF NAPOLEON

Among the components of Napoleon's foreign policy there was an attempt to revive France's former influence in the Eastern Mediterranean and the Black Sea. This paper addresses the efforts paid by the emperor and his retinue to collect information on the Crimea and their plans to use this peninsula for the needs of foreign political game. In 1802, Napoleon initiated the treaty with Russia on the Black Sea trade. In 1803, French diplomatist Jean Reuilly visited the Crimea, made a detailed account of it, and suggested to use the peninsula as an outpost for commercial penetration into the inner provinces of Russia and farther to Central Asia. It has been proved that Napoleon changed his "Crimean projects" according to current political situation. In February 1807, trying to establish alliance with the Ottoman Porte, he suggested the Turks his help to win the Crimea back, but in a few years later Napoleon offered Alexander I of Russia the partition of the Porte. On the eve of the invasion into Russia, the retinue of Napoleon discussed the project of making a barrier of restored and French-dependent states on Russian border. One of them should be a Crimean Tartar realm allied to France in its struggle with the Russian Empire. The Russian government's policy towards the Crimean Tatars during the armed conflicts in 1806–1814 was somehow twofold since it did not trust this group of subjects, but the Crimean Tartars kept loyal to Russia, and some of them gain laurels in the Napoleonic wars.

Key words: Crimea; Napoleon; espionage; travelogues; Napoleonic wars; Russian empire; Crimean Tatars.

Acknowledgements

The work was carried out in the framework of state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FZEG-2017-0013 entitled "The Russian Empire and the Crimea: Main Problems, Concepts, and Notions".

Citation: Khrapunov, N. I. (2019). Krym v kontekste franko-russkikh otnoshenii epokhi Napoleona [The Crimea in the Context of French-Russian Relations in the Age of Napoleon]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 69–86.

Submitted on 10 February, 2019

Accepted on 18 April, 2019

Наполеоновские войны напрямую не затронули Северное Причерноморье. Регион, во второй половине XVIII в. являвшийся зоной дипломатической борьбы Франции и России [см.: Черкасов], после революционных событий был вытеснен на периферию внимания Франции. Не изменилась ситуация и в Наполеоновскую эпоху. Интересы Бонапарта находились в других местах — в Испании и Германии, Египте и России. Возможно, вследствие этого роль Крыма в планах

Наполеона не стала популярным сюжетом для исследований [см. однако: Маркевич; Муфтий-заде; Сакович; Отечественная война...; Ададунов, 2007]. Цель этой статьи — раскрыть планы относительно Крыма, обсуждавшиеся в окружении французского лидера.

В эпоху Просвещения Франция стала важнейшим торговым партнером стран Восточного Средиземноморья и Причерноморья, завязав тесные политические связи с Османской империей и Крымским ханством [Станиславская, с. 44–45]. Однако завоевание Крыма Россией в 1783 г. сделало полуостров потенциальной базой для нападения на Османскую империю. В 1784 г. по поручению великого визиря Халил-паши и французского посланника в Константинополе графа Франсуа де Сен-При военный инженер Андре-Жозеф Лафитт-Клаве составил описание побережья Черного моря, в том числе Крыма. О том, что французы не только помогали союзникам, но и преследовали собственные цели, свидетельствует находка этого документа и путевого дневника Лафитта-Клаве в архиве военного министерства Франции [Lafitte-Clavé]. Очевидно, они продолжали считать Причерноморье зоной своих интересов.

Другое описание составил Шарль де Бар, путешественник и, не исключено, секретный агент, посетивший Крым в 1784 г. Он назвал Севастопольскую (Ахтиарскую) бухту лучшей гаванью Европы. Де Бар полагал, что Екатерина II собирается изгнать османов из Европы. *«Именно из Ахтиара можно нанести удары, которые поставят под угрозу Константинополь; при хорошем ветре русские доберутся туда за двое суток; они (русские. — Н. Х.) могут за короткое время завести на Черном море флот, представляющий страшную угрозу для турок <...> Когда закончится строительство кораблей <...> он сможет кратким путем перевезти десантные отряды»* [Mémoire..., р. 25–28]. Опасность появления севастопольской эскадры под стенами Константинополя оценил французский посол в России граф Луи-Филипп де Сегюр [Ségur, 1826, t. 2, р. 317–318]. В 1786 г. французский резидент в Петербурге Жан Шаретт де ла Колиньер подготовил меморандум о положении дел в Крыму и о размещенных там войсках, на основе наблюдений известных путешественников — «русского немца» Карла Габлица и французского гувернера Жильбера Ромма [Чудинов].

Царское правительство задумалось о том, как сделать Северное Причерноморье базой для торговли со средиземноморскими странами. Так Средиземноморье стало зоной не только политических, но и экономических интересов России [Станиславская, с. 23–41]. Французы также анализировали торговые перспективы, открывшиеся в Причерноморье в результате российской экспансии. Во французских архивах хранятся многочисленные документы, посвященные этому вопросу [Ададунов, 2007, с. 84–85; Черкасов, с. 273–279]. По словам де Сегюра, он не раз пытался доказать наместнику Юга России Григорию Потемкину выгоды, которые Россия получит от торговли с Францией, если бы удалось нарушить фактическую монополию англичан на русскую коммерцию [Ségur, 1826, t. 2, р. 287–288, 307–310, 316]. Исследователи отмечают рост торговли с Францией через южные порты. Россия поставляла через Марсель

сельскохозяйственную продукцию, что угрожало интересам Великобритании [Karpetanakis, p. 37]. Во многом благодаря усилиям де Сегюра в 1787 г. Франция и Россия заключили торговый договор, установивший льготы для коммерции в южных портах, но начавшиеся вскоре революционные события не позволили его реализовать [Черкасов, с. 282–302].

В дальнейшем ситуация усложнилась. Накануне Египетского похода Бонапарта, в 1798 г., министр иностранных дел Шарль де Талейран выдвинул план нападения на Крым, если бы французам удалось закрепиться в Леванте. Это ослабило бы Россию, а передача полуострова османам компенсировала бы им потерю Египта [Митрофанов, с. 134]. Мысль о принудительном «возвращении» Крыма не оригинальна. Этого потребовал у Екатерины II шведский король Густав III накануне войны с Россией 1788–1790 гг. [Черкасов, с. 385]. Позднее британский путешественник Эдвард-Даньел Кларк (1800), создавший яркое (и, думается, преувеличенное) описание страданий крымских татар под российским ярмом, выдвинул план вторжения на полуостров, чтобы затем передать его туркам [Clarke, p. 268–272].

Однако египетский и сирийский походы Наполеона разрушили прежнее франко-османское согласие. В 1799 г. турки отказались от союза с Францией и заключили договор с Россией [Европейская дипломатия..., с. 57–58; Станиславская, с. 99–102, 109–113]. Случившийся вскоре кризис второй антифранцузской коалиции, успехи Наполеона на военном и дипломатическом фронте привели к заключению франко-русского трактата 1801 г. [История внешней политики..., с. 33–36; Станиславская, с. 155–213]. Через год Наполеон договорился с Россией о торговле на Черном море. В портах Северного Причерноморья появились французские консулы [Ададунов, 2007, с. 365–367].

Наполеон нуждался в сведениях о юге России, а потому вернулся к хорошо зарекомендовавшей себя при Старом порядке практике использования информаторов-путешественников. В 1803 г. сотрудник французского посольства в Петербурге Жан Рёйи представил правительству пространный отчет о поездке в Крым [Там же, с. 147]. Видимо, этот документ показывали Наполеону — во всяком случае, о таком намерении писал Талейран [Дипломатические сношения, с. 426]. Через три года Рёйи превратил свой мемуар в книгу, посвященную императору.

Француз внимательно изучил труды своих предшественников — путешественников и кабинетных ученых [Храпунов, 2017, с. 120]. Его информатором стал знаменитый ученый-естествоиспытатель Петер-Симон Паллас, который в то время проживал в Крыму [Reuilly, p. i–iv]. По-видимому, он не догадывался о миссии француза и помогал тому отчасти в силу своих выдающихся душевных качеств, отчасти терзаясь от недостатка общения с образованными людьми. Рёйи пользовался покровительством губернатора Новороссийского края Армана де Ришельё [Ibid., p. xi–xii] и даже возил его частную корреспонденцию к другому французу — командиру Черноморского флота Жану-Батисту де Траверсе [Шатне, с. 185].

На основе личных наблюдений Рёйи перечислил расквартированные в Крыму подразделения с указанием места дислокации каждого из них [Reuilly, p. 194–195]. Об интересе Наполеона к этой информации говорит то, что в августе 1805 г. он передал такое же задание французскому посланнику в Константинополе Франсуа Рюффену [Ададунов, 2007, с. 367–368]. Рёйи подробно описал базу Черноморской эскадры — Севастополь, назвав его одним из лучших в Европе портов [Reuilly, p. 203]. *«Почти везде он достаточно глубок, чтобы принимать самые большие суда, и окружен холмами, защищающими его от ветров, за исключением западных. В южной части он образует четыре бухточки, служащие безопасным укрытием [для кораблей]. Во всем порту нет ни единой мели, если не считать небольшой песчаной банки у входа...»* [Ibid., p. 204]. Рёйи отметил расположение защищавших порт батарей, заметив, что их недостаточно, поскольку при попутном ветре вражеские корабли могли проскочить в бухту и высадить десант на севастопольском берегу [Ibid., p. 204, 205]. К книге приложены карты Крымского полуострова и города Севастополя с окрестностями, очевидно, представлявшие интерес и для военных.

Француз описал двойственность положения города, удаленность которого от внутренних районов Крыма затрудняет подвоз припасов и приводит к их дороговизне [Ibid., p. 201, 202]. Эту проблему понимали и российские власти. Де Траверсе ходатайствовал перед правительством о допуске в Севастополь коммерческих судов, груженных необходимыми товарами [Головачов, с. 217–218]. По иронии судьбы, несколько раньше он сам, опасаясь английских и французских шпионов, инициировал императорский указ, объявивший Севастополь «закрытым» портом [Шатне, с. 187].

Другой проблемой была нехватка пресной воды, приводившая к эпидемиям. Для ее решения Рёйи предложил построить водовод или отыскать и реконструировать тот, который некогда подавал воду жителям древнего Херсонеса [Reuilly, p. 202, 203]. Важной проблемой были морские черви, которые за два года могли разрушить деревянный корпус корабля. Для борьбы с ними русские использовали кренгование (поднимали над поверхностью воды борта корабля и обжигали их), а также обшивали корабли медью [Ibid., p. 206, п. I].

Стратегическое значение крымских портов, по мнению Рёйи, заключалось в том, что отсюда при попутном ветре за трое суток можно было достичь Константинополя. Османские укрепления при входе в Босфорский пролив не устояли бы под огнем с русских судов [Ibid., p. 207, 208]. Для этого вывода были основания. Де Сегюр цитировал в мемуарах личное письмо «инженера Лафитта», направленного в Стамбул обучать турок фортификации, — очевидно, того самого, что составил упомянутое выше описание Черного моря. Письмо свидетельствовало о турецком фатализме и упрямом нежелании следовать рекомендациям француза, в результате чего защита турецких берегов была предоставлена воле Аллаха, а не современным редутам и батареям [Ségur, 1826, t. 2, p. 321, 322]. Впрочем, состояние стоявших в Севастополе четырех линейных кораблей и четырех или пяти фрегатов, по оценке Рёйи, было далеко не лучшим. Он описал принцип

комплектования экипажей, но в целом качества русских моряков, включая офицеров, француза не впечатлили. Проблемой было и отсутствие взаимопонимания между флотскими и сухопутными офицерами. Единственным достойным командиром он назвал адмирала де Траверсе, и сложно избавиться от мысли, что во многом это объясняется происхождением последнего [Reuilly, p. 208–210].

Не меньшее внимание Рёйи уделил перспективам хозяйственного развития Крыма. Экономику и особенно торговлю он считал проявлением прогресса. Именно поэтому в истории Крыма он видел противоборство процветающей цивилизации, которую принесли античные греки и средневековые генуэзцы, и разрушительного восточного варварства в лице скифов и татар [Храпунов, 2017, с. 123, 127]. Важная роль исторических экскурсов в сочинении Рёйи не удивительна. С одной стороны, в традициях Монтескьё, которого путешественник ценил, было видеть истоки современных политических, общественных, экономических феноменов в классической древности; с другой — путешественник должен был знать, что Наполеон искал вдохновения в сюжетах из античной истории [Европейская дипломатия..., с. 58, 72; Ададунов, 2017, с. 15–16].

Рёйи предложил развивать в Крыму традиционные отрасли (хлебопашество и рыболовство), вводить новые сельскохозяйственные культуры, заниматься виноградарством и виноделием, разводить европейские породы овец, завести мануфактуры, привлечь купцов, иностранных колонистов и российских подданных из внутренних губерний, учредить беспошлинный порт (лучше всего в Феодосии). Благодаря своему географическому положению, Крым мог бы стать звеном на торговом пути, связывающем Францию и ее заморские колонии с внутренними районами России и Османской империи, а через Астрахань — с Персией и даже Индией [Reuilly, p. 195–198, 253–255; Храпунов, 2017, с. 129–130].

Препятствием для франко-русской торговли в Причерноморье были неблагоприятные политические обстоятельства — русско-турецкая война 1806–1812 гг., ухудшение российско-французских отношений начиная с 1810 г. (в частности, введение царским правительством таможенного тарифа в 1811 г.), продолжавшееся противостояние Франции и Англии [Гончарук, с. 335–339; Ададунов, 2007, с. 368–375; Сироткин, с. 255]. Но стоит отметить, что торговля с турками через Феодосию — основной коммерческий порт Крыма, к тому же действительно получивший «беспошлинный» статус, — в это время также была невелика [Тимченко, с. 84].

Рёйи рассказал о встрече с двумя авторитетными представителями крымских татар — предводителем дворянства Феодосийского уезда Атай мурзой Ширинским и возглавлявшим мусульманское духовенство Крыма муфтием Сеит-Мегмет эфенди. Вероятно, эта история должна была ответить на вопрос о потенциальных действиях татар в случае русско-французского конфликта. По словам Рёйи, Атай мурза восхищался Наполеоном и даже собирался отправиться в Париж. Прежде, узнав о Египетской кампании, он якобы подумал, что Бонапарт собирается восстановить Польское королевство и для этого высадится на берегах Черного моря. В 1803 г. Атай мурза ждал большой войны

в Европе — но не было ли это сообщение навеяно тем, что к моменту издания книги ее читатели хорошо помнили о войне Третьей антифранцузской коалиции в 1805 г.? Наконец, Атай мурза выразил надежду на то, что Александр I «восстановит справедливость», поколебленную во время Павла I [Reuilly, p. 163–171]. Слова француза можно было понять двояко, в зависимости от ситуации: то ли татары надеялись на нападение Наполеона на Россию, то ли они оставались лояльными подданными, связывавшими надежды с действиями Александра I. Разговор наверняка шел через одного, а то и двух переводчиков — первый переводил сказанное татарами на русский, а второй с русского на французский; это была обычная ситуация на Юге России [см.: Храпунов, 2009, с. 665, 669]. Неизвестно, насколько суждения собеседников Рёйи не были искажены непреднамеренно в этот момент или преднамеренно — при подготовке рукописи к публикации. Француз имел основания сделать так, чтобы его труд не повредил собеседникам. Наконец, остается вопрос о том, насколько крымские татары разбирались в хитросплетениях европейской политики. Полуфантастическая идея высадки десанта на черноморских берегах ради восстановления Польши, кажется, заставляет в этом усомниться. Как не вспомнить рассказ английской путешественницы Элизабет Крейвен (1786) о встрече со знатным татаринном, который, по ее словам, некогда занимал высокий пост в ханской администрации, а затем стал служить России. По словам дамы, ее собеседник *«совершенно ничего не смыслит в географии собственной страны, и говорит, что Англия и Петербург — одно и то же»* [A Journey through the Crimea..., p. 179].

Вопрос о лояльности крымских татар волновал и российские власти. Во время турецкой войны 1787–1791 гг. в качестве превентивной меры практиковалось изъятие оружия и переселение крымских татар с уязвимого для десанта побережья в глубинные районы полуострова, а заподозренных в нелояльности представителей духовенства (мулл) выслали из Крыма [Лашков, 1890, с. 82–106; 1891, с. 75–78; Маркевич, с. 19–26]. Но по окончании военных действий Екатерина II сделала Крым местом ссылки для мятежных мусульман Северного Кавказа и Приазовья [Конкин, с. 29–30], что свидетельствует о ее уверенности в местном населении. Вспомним и хрестоматийную историю, как во время южного путешествия 1787 г. императрица заменила в Крыму свой конвой на татарский [Сакович, с. 16–20]. Это произвело большое впечатление на ее спутников и способствовало завоеванию доверия у местных мусульман. К тому же конвойные татары спасли императрицу, когда впряженные в карету лошади понесли [Ligne, p. 112–113; Ségur, 1827, t. 3, p. 195–196]. Но сомнения оставались. После начала войны с турками 1806–1812 гг. адмирал де Траверсе опасался, что татары перейдут на сторону противника, а потому считал нужным расселить в Крыму людей, лояльных России — отставных солдат, греков, болгар и молдаван [Шатне, с. 225]. В 1807 г. муфтию Сеид-Муртазе эфенди поручили тайно разузнать о настроениях его соплеменников [Маркевич, с. 21–22].

Части французов присоединение Крыма к России казалось не вполне легитимным. Эту мысль выразил де Сегюр, описывая путешествие Екатерины II

на юг, осмотрительно приписав ее своему товарищу Шарлю-Жозефу де Линю. По словам путешественника, если бы татары, составлявшие конвой Екатерины II и Иосифа II, похитили бы двух монархов и доставили бы их к османскому султану, то *«этаким фокус вовсе не был бы бесчестным [с их стороны], ведь они вполне могли бы, без всяких угрызений совести, похитить двух монархов, которые, пренебрегая правом народов [jus gentium] и всеми [международными] договорами, похитили их страну, свергли их князя и уничтожили их независимость»* [Ségur, 1827, t. 3, p. 192–193]. Международные договоры — это, очевидно, Карасубазарский трактат России с Крымским ханством (1772), а также Кючук-Кайнарджийский мир (1774) и Айналы-Кавакская конвенция (1779) с Османской империей. Любопытна апелляция к «праву народов» (*jus gentium*) — в Древнем Риме это была совокупность норм, общих для всех цивилизованных народов, которые применялись в отношениях между римскими гражданами и иностранцами [Black, p. 939].

В эпоху Наполеона французская дипломатия попыталась использовать Крым как разменную монету в большой дипломатической игре. Французы подталкивали Турцию к войне с Россией в 1806–1812 гг. Впоследствии, во время неудачных переговоров о союзе с Османской империей (февраль 1807 г.), Франция обещала туркам Крым, причем была готова отвоевать его самостоятельно [Сироткин, с. 109–113; Станиславская, с. 430–444]. Наполеон разрабатывал план совместного с османами нападения на Россию, предусматривавший одновременные удары по Валахии и Подолии, а также провокацию восстания на западно-украинских землях [Ададунов, 2007, с. 262–264, 269–273]. Но когда после Тильзитского мира ситуация изменилась, он без всякого сомнения пожертвовал Турцией и предложил Александру I разделить ее территорию, чтобы тем самым подвинуть нового союзника на поход в Индию [Безотосный, 2012, с. 168–176; другую интерпретацию см. в: Сироткин, с. 203–211]. Из гибкости наполеоновской дипломатии следует, что Крым для нее не имел самостоятельного значения.

Эту стратегию усвоили приближенные императора. В 1810 г. министр иностранных дел Жан-Батист Шампаньи подал меморандум, рассматривающий будущее французской внешней политики. В частности, предлагалось сделать ставку на Османскую империю и, в условиях продолжавшейся русско-турецкой войны, попытаться получить Морею (Пелопоннес) и Кандию (Крит) в обмен на передачу османам «малой Татари и Крыма». Автор подчеркнул, что эта идея не нова (*«cet ancien projet»*), а значит, она опиралась на опыт прежних лет [Шильдер, с. 475]. Она была частью более глобального плана, предусматривавшего вытеснение России за Днепр и радикальную перекройку границ восточно-европейских государств [об исторической канве см.: Ливен, с. 136].

Накануне русского похода 1812 г. в окружении французского императора вновь возник вопрос о Тавриде. Как и прежде, он рассматривался как небольшая часть куда более значительных планов. Наполеон изучил массу литературы о России [Безотосный, 2014, с. 249], включая, по-видимому, и рассматривавшую судьбу Крыма. Некий Роландр, отставной чиновник из Вердена или Нанси,

опубликовал за собственный счет брошюру «Европейский договор, или Проект общего примирения и вечного мира». После начала русской кампании он отослал рукопись в ставку Наполеона. По мнению В. В. Ададунова, Роландр оказался превосходным аналитиком и потому его рассуждения совпали с мыслями императора [Ададунов, 2007, с. 92, 288–291, 324–326].

Роландр не скрывал, что образцом для него была политика Наполеона по перекраиванию границ в Центральной Европе и созданию там новых государственных образований [см.: Европейская дипломатия..., с. 72–95, 164–214]. Замысел Роландра заключался в том, чтобы провести границу России по Днепру, а из ее западных владений сформировать три польских государства — Познанское королевство на северо-западе, Волынское королевство на юго-востоке и Литовское королевство на севере, возможно, объединенных в конфедерацию. На юге должны были появиться два герцогства — одно в Нижнем Поднепровье, другое в Крыму [Ададунов, 2007, с. 503–508]. Судьбу последнего Роландр связал со стратегическими интересами Франции в Причерноморье. Он констатировал необходимость глубоководного порта, который мог бы принимать крупнотоннажные суда французского флота. Если бы оказалось, что Очаков (турецкая крепость в устье Днепра) не мог быть таковым, то *«...для этой цели более пригоден Крым, имеющий хорошие порты. Можно будет превратить этот полуостров в европейское герцогство. Очаков станет торговым портом. Татар этого края можно будет оставить независимыми под надзором и под покровительством Польши»* [Там же, с. 504–505]. Быть может, на рассуждениях Роландра сказался опыт военных действий 1788 г., когда османский флот оказывал поддержку Очакову, однако в условиях мелководного Днепро-Бугского лимана тяжелые корабли иногда оказывались на мели [Лопатин, с. 133–138]. Как уже говорилось, французы знали об удобстве и стратегическом значении крымских портов, прежде всего Севастополя.

16 ноября 1812 г. русской армией были захвачены документы французского генштаба, среди которых — карта с собственноручными пометками Наполеона. Император нанес на нее контуры буферных государств, ограничивающих Россию на западе, и написал имена их будущих правителей, выбранных из числа своих приближенных. Сходство этих пометок с картой, приложенной к записке Роландра, по мысли В. В. Ададунова, указывает на то, что Наполеон внимательно отнесся к указанному документу [Ададунов, 2007, с. 325].

В том же году появился мемуар, составленный польским эмигрантом — генералом Михалом Сокольниковым. Это был человек последовательных анти-русских взглядов. Он принимал участие в восстании Тадеуша Костюшко, а после отъезда во Францию стал приближенным Наполеона. Сокольников неоднократно обращался к правительству Франции с предложениями начать войну с Россией [Там же, с. 280–283]. Его имя связано с поддельным документом, известным как «Завещание Петра Великого», где Россия подается как угроза европейской цивилизации и мировому порядку [Строев, с. 497]. Заметим, что во время русского похода Наполеон предпочитал роль защитника

«цивилизации» против «северных варваров» [Ададунов, 2017, с. 23–47]. Сокольницкий уловил настроения своего патрона.

Трактат «О способах избавления Европы от влияния России» датирован 10 февраля 1812 г. Его прочел и оценил Наполеон, назначивший автора координатором военной разведки в русской кампании. Из названия следует, что Сокольницкий отказался считать Россию частью Европы в историко-культурном смысле, призывая отодвинуть ее в «Азию» не только географически, но и политически. В документе приводится подробный план кампании против России. Сокольницкий мечтал о восстановлении Польши в качестве союзника Франции и обеспечении ее безопасности с помощью ряда мер, включавших создание на российско-польской границе буферных государств — Ливонского, Полоцкого, Смоленского, Мстиславского, Черниговского и Полтавского княжеств. *«Надежно оградить Польшу от России можно было бы с помощью цепи федеративных герцогств, которые бы имели точно такую же, как в Польше, Конституцию, и находились бы под ее непосредственной протекцией (но правительства которых назначал бы лично Великий Император)»*, т. е. Наполеон [Сокольницкий, с. 80–81; ср.: Ададунов, 2007, с. 495–496].

К югу от этих государств Сокольницкий предложил создать уникальную политическую конструкцию. *«Затем шли бы различные казачьи орды — главным образом те, что известны под именем запорожских, то есть расположенные за порогами [Днепра], а также те, что обитают в долине Донца. Эти последние, будучи объединенными с крымскими татарами, могли бы сформировать единое государство, звучное имя которого Таврида, ныне оскверненное, было бы заменено на другое — Наполеонида»* [Сокольницкий, с. 81, 82; ср.: Ададунов, 2007, с. 496]. Помимо военно-политического аспекта, проект Сокольницкого включал также просветительскую сторону.

Новая форма правления должна была способствовать прогрессу народов, приобщив их к достижениям культуры Запада. *«Страна, населенная народностями, привыкшими всегда находиться в седле, управляемая одним правителем с помощью Конституции, приспособленной к образу жизни этих людей (да к тому же с перспективой политической независимости), в скором времени сформировала бы цивилизованную нацию, которая стала бы одним из самых надежных барьеров для амбициозных проектов России и ее претензий на Черном море и Босфоре, навсегда обеспечив отделение этих народов от державы, которая их угнетает и унижает»* [Сокольницкий, с. 82; ср.: Ададунов, 2007, с. 496]. Сокольницкий указывал на то, что Россия не способна взять на себя такую задачу. Предлагая ее Наполеону, он сравнил того со знаменитыми античными законодателями. *«Эти хорошо организованные племена <...> могли бы <...> достичь гораздо более высокого уровня цивилизованности, чем тот, который не могут им обеспечить ни прекраснодушные посулы, ни эфемерные указы, ни кнут москвитян, пытающихся рядиться в европейцев»* [Сокольницкий, с. 82].

Далее льстивый прожектор еще раз сказал о том, что название *Наполеонида*, которое предполагалось дать новой стране, стало бы достойной наградой для

ее создателя [Сокольниковский, с. 82; ср.: Ададуров, 2007, с. 496]. Предлагая заменить имя Тавриды, поляк символически отказал России в праве на античное наследие. Идеология Екатерины II подчеркивала роль россиян как наследников и покровителей греков, тем самым, в частности, обосновывая право на южные земли, где некогда находились эллинские колонии [Зорин, с. 33–64, 97–122; Проскурина, с. 160–194]. Однако с точки зрения Наполеона воплощением цивилизации (и, разумеется, наследником античности) была именно его империя, включавшая всю Западную, Южную и Центральную Европу, тогда как для России места в этой конструкции не оставалось [Соколов, с. 509–511]. Любопытно, что французские эмигранты — приверженцы Старого порядка — воспринимали сторонников революции как новых варваров, а Россию — как оплот цивилизации, новый Рим [Строев, с. 495–497]. Таким образом, в зависимости от политических пристрастий, идею противоборства между цивилизацией и варварством в контексте русско-французских отношений можно было интерпретировать противоположным образом.

Меморандум Сокольниковского не уточнил, как обеспечить стабильность государства казаков и татар, и уж тем более их слияние в одну нацию. Очевидно, автору показалось, что, раз Россия лишила и тех, и других государственности и свободы, они будут друзьями ее врагов. Он мог учитывать исторический опыт взаимодействия Франции и Крымского ханства при Старом порядке, в третьей четверти XVIII в. Лидеры французского общественного мнения оценивали татар очень по-разному. Руссо полагал, что рано или поздно татары покорят и Россию, и Европу. Вольтер же счел это суждение невероятным, ведь татары — это «несчастные орды, находящиеся в крайнем ничтожестве» [Зорин, с. 85]. Сокольниковский мог вспомнить и то, что после ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г. часть казаков эмигрировала в Османскую империю; потом они приняли участие в русско-турецких войнах [Краюк, с. 187–188].

Далее он снова обратился к античным параллелям, называя казаков и татар «остатками древних скифов», которые могли бы составить грозное войско, служащее Наполеону не за страх, а за совесть, подобно тем варварам, что некогда перешли к Юлию Цезарю [Сокольниковский, с. 83; ср.: Ададуров, 2007, с. 498]. Это замечание раскрывает особенности представлений эпохи Просвещения. Считалось, что в ходе исторического процесса народы не исчезали бесследно, а «перетекали» друг в друга. В результате «прото-этнографические» исследования фактически сводились к поиску современных соответствий древним этнонимам [Вульф, с. 422–428]. Образ скифов был чрезвычайно популярен, так что их находили повсюду на востоке Европы. Каждый видел в нем что-то свое, а этнографические представления зачастую невозможно отделить от литературной или политической метафоры. «Скифами» нередко называли русских. Вольтер, например, пытался представить их в роли варваров, готовых учиться достижениям европейской цивилизации. Впрочем, это не помешало ему в другой раз объявить скифов предками татар — в трудах деятелей Просвещения «этнографические» наблюдения зачастую перетекают в метафоры [Там же, с. 154, 156].

В записках Екатерины II «скифы» (т. е. русские) воплощали в себе лучшие физические и моральные качества человека [Валишевский, с. 105]. Но этот эпитет мог иметь противоположное значение. В рассказывающей о швейцарцах пьесе Вольтера «Скифы» подчеркнуты их отсталость, жестокость и мракобесие [Сиволап, с. 148]. Кларк же считал русских «новыми скифами», воплощавшими в себе все отрицательные человеческие качества [Храпунов, 2016, с. 119–123]. Любопытно сходство антироссийской риторики Кларка и наполеоновской политической пропаганды. Они говорили о русском варварстве, противостоящем западноевропейской цивилизации [Ададунов, 2017, с. 22–32]. Впоследствии, увидев пожар Москвы и узнав о том, что ее преднамеренно подожгли сами русские, Наполеон назвал их «скифами», имея в виду удивительную решимость, непокоренность и готовность идти на любые жертвы ради победы [Сегюр, с. 256]. В ссылке на остров Святой Елены Наполеон переосмыслил пожар Москвы, используя другой античный образ. Сравнив его с гибелью Трои, Наполеон тем самым уподобил себя легендарному предводителю греков Агамемнону, а свои деяния показал достойными Гомера [Ададунов, 2007, с. 345, 346].

Называя «скифами» казаков и татар, Сокольницкий, очевидно, имел в виду их варварскую доблесть. К тому же в их образе жизни при желании можно было увидеть много общего. Так, английский путешественник Реджинальд Хебер (1806) видел в татарском городе Бахчисарае «скифские ремесла», т. е. выделку кожи и стали, при этом считая скифов также и предками казаков [The Life of Reginald Heber..., vol. I, p. 538 ff.].

Считается, что французское общественное мнение выработало два противоположных взгляда на Россию. Иногда ее считали «молодой нацией», которой правит «просвещенный» монарх, иногда — деспотическим государством, угрожавшим существованию европейской «цивилизации» [Liechtenhan]. Сочинения Роландра и особенно Сокольницкого явно выражали второй тип мышления.

Замечательно, что идеи Роландра и Сокольницкого, который противопоставил «зловную женщину-узурпатора» Екатерину II «незапятнанной славе благородного и великодушного героя» Наполеона, в определенном смысле были возвращением к политике первой половины царствования российской императрицы. Екатерина II полагала целесообразным иметь на западной границе буферные государства — Польшу, Дунайские княжества и Крым, фактически ставшие российскими протекторатами. По-видимому, она внимательно отнеслась к следующей мысли Монтескье: *«Имея по соседству государство, находящееся в упадке, государь отнюдь не должен ускорять его гибель, так как в таком случае он находится в самом счастливом из всех возможных положений. Ничто не может быть для него выгоднее, чем иметь у себя под боком государя, который получает за него все удары и оскорбления фортуны. И очень редко бывает, чтобы в результате завоевания такого государства действительная сила завоевавшего увеличилась настолько же, насколько при этом уменьшилась его относительная сила»* [Монтескье, с. 122]. Лишь внутренняя нестабильность Речи Посполитой и Крымского ханства и быстро менявшиеся внешнеполитические обстоятельства

вынудили императрицу согласиться на разделы Польши и присоединение Крыма [Храпунов, Конкин, с. 7–8].

Однако Наполеон не стал следовать советам Сокольниковского и Роландра. Перед началом войны 1812 г. он рассчитывал, что турки высадят десант в Крыму и начнут военные действия на Дунае, тем самым поддержав его усилия на севере. Потому император был крайне разочарован, получив известие о заключении мира между Россией и Османской империей [Безотосный, 2014, с. 258, 259], и отказался от идеи похода на Украину [Адагуров, 2007, с. 315].

Таким образом, хотя Наполеон и его окружение собирали информацию о Крыме и пытались использовать полуостров в международной политической игре, планы французского лидера менялись в зависимости от конкретной ситуации. Самостоятельной ценности Крым для него не представлял. Общим же свойством проанализированных проектов относительно полуострова, выдвинутых французскими интеллектуалами, была их нереалистичность и фантазийность, впрочем, характерная для политических и экономических проектов «долгого» XVIII века, который можно назвать «веком авантюризма». Из проектов следует, что французы рассматривали крымских татар как антироссийскую силу и своих потенциальных сторонников. Показательно, что и политика российских властей в отношении крымских татар во время вооруженных конфликтов 1806–1814 гг. отличалась известной двойственностью, свидетельствующей о неполном доверии к этой группе подданных. Но они в массе оказались верны России, обстановка на полуострове была относительно спокойной, а «конно-татарские» нерегулярные полки принимали участие в боевых действиях в России и за рубежом. Ряд служивших в них лиц были отмечены наградами, хотя и без отдельных эксцессов вроде злоупотреблений или дезертирства не обошлось [Сакович, с. 39–70; Муфтий-заде, с. 10–12; Маркевич, с. 59–61, 72–80; Отечественная война..., с. 44–45, 363]. Потому известный путешественник Владимир Броневский имел все основания отметить, что *«татары признательны к благодетельным им монархам, и в незабвенный 1812 год они доказали, что искренне любят свое новое отечество»* [Броневский, с. 113].

Источники

Броневский В. Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 году. Тула : Тип. губ. правления, 1822.

Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Т. 2 : 1803–1804 / под ред. [и с предисл.] проф. Александра Трачевского. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. (Сб. Имп. рус. ист. о-ва ; т. 77).

Монтескьё Ш. Л. О духе законов / пер. с фр. А. В. Матешук. М. : Мысль, 1999.

Сегюр Ф.-П. де. История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта. М. : Захаров, 2014. Сокольниковский М. «Исполнено по высочайшему повелению...». Минск : БГУ, 2003.

Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. XV. С. 656–681.

A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters... London : G. G. J. and J. Robinson, 1789.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London : T. Cadell and W. Davies, 1817.

Lafitte-Clavé. Journal d'un voyage sur le côtes de la Mer Noire du 28 avril au 18 septembre 1784 / éd. D. Anoyatis-Pelé. Istanbul : ISIS, 1998.

Ligne Ch.-J. de. Correspondances russes / éd. A. Stroev, J. Vercruysse. Paris : Honoré Champion, 2013. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne... Paris : Deterville, 1798. [Partie 3]. P. 1–98.

Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris : Bossange, Masson et Besson, 1806.

Séguir de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 2me éd. T. 2. Paris : Alexis Eymery, 1826.

Séguir de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. T. 3. Bruxelles : X. Renaudière, 1827.

The Life of Reginald Heber... Vol. I. New York : Protestant Episcopal Press, 1830.

Исследования

Ададуров В. В. «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів : УКУ, 2007.

Ададуров В. В. Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1 : Религия — язык. Киев : Laugus, 2017.

Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М. : Вече, 2012.

Безотосный В. М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М. : РОССПЭН, 2014.

Валишевский К. Роман одной императрицы. Репр. Симферополь : Таврия, [б. г.].

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. И. Федюкин. М. : НЛО, 2003.

Головачов В. Ф. История Севастополя как русского порта. СПб. : Тип. Деп-та уделов, 1872.

Гончарук Т. Спроби впровадження порто-франко на Кримському півострові наприкінці XVIII — у першій половині XIX ст. в контексті боротьби за «вільну торгівлю» міст південної України // Крим від античності до сьогодення : історичні студії / відп. ред. В. Смолій. Київ : Ін-т історії України НАН України, 2014. С. 334–346.

Европейская дипломатия и международные процессы эпохи Наполеоновских войн / [Н. Ю. Васильева и др.] ; под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М. : Аспект Пресс, 2012.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М. : НЛО, 2004.

История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / [О. В. Орлик, А. Н. Сытин, Г. А. Кузнецова и др.] ; редкол.: О. В. Орлик (отв. ред.) и др. М. : Междунар. отношения, 1999.

Конкин Д. В. Екатерина II во главе Новороссии (1791–1793 гг.): особенности управления Таврической областью // Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии. Ялта : Рибест, 2017. С. 25–34.

Кралюк П. Козацька міфологія України: творці та епігони. Харків : Фоліо, 2017.

Лашков Ф. Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 г. (по делам, хранящимся в архиве канцелярии Таврического губернатора) // Изв. Таврич. ученой архивной комиссии. 1890. № 10. С. 79–106; 1891. № 12. С. 75–81.

Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814 / пер. с англ. А. Ю. Петров. М. : РОССПЭН, 2012.

Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М. : Наука, 1992.

Маркевич А. И. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов // Изв. Таврич. ученой архивной комиссии. 1913. № 49. С. 1–100.

Митрофанов А. А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) // Французский ежегодник. 2006. С. 130–145.

Муфтий-заде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год // Изв. Таврич. ученой архивной комиссии. 1899. № 30. С. 1–24.

Отечественная война 1812 года : энциклопедия / Рос. полит. энцикл. и др. ; редкол.: А. А. Васильев и др. М. : РОССПЭН, 2004

Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М. : НЛО, 2017.

Сакович А. Крымские татары на военной службе Российской империи. М. : Рус. витязи, 2016.

Сиволоп Н. И. Почему Карамзин поехал в Швейцарию? // Россия и Европа : Дипломатия и культура / [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: А. С. Намазова (отв. ред.) и др.]. М. : Наука, 1995. С. 141–152.

Сироткин В. Г. Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М. : Эксмо, 2003.

Соколов О. В. Битва двух империй. 1805–1812. М. ; СПб. : Астрель, 2013.

Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М. : АН СССР, 1962.

Строев А. Россия глазами французов XVIII — начала XIX века // Логос 1991–2005 : избранное : [в 2 т.] Т. 2. М. : Территория будущего, 2006. С. 468–507.

Тимченко В. М. Південноукраїнські землі у торговельних зв'язках Російської імперії та Османської держави (1774–1853 рр.). Київ : Олег Філюк, 2016.

Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 116–132.

Храпунов Н. И. Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. 2017. С. 113–140.

Храпунов Н. И., Конкин Д. В. Некоторые аспекты изучения истории Крыма в эпоху перемен // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / [Н. И. Храпунов, Д. В. Конкин, М. А. Никифоров и др.] ; под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 7–24.

Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2-е изд. М. : Наука, 2004.

Чудинов А. В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения : материалы и исслед. / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГУ), Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: С. Я. Карп (отв. ред.) и др.]. М. : РГГУ, 2001. С. 202–243.

Шатне М. дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского. М. : Наука, 2003.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1897.

Black's Law Dictionary. 9th ed. / ed. B. A. Garner. St. Paul : Thomson Reuters, 2009.

Kapetanakis P. New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th — Mid-19th Century). Athens : General Secretariat for Research and Technology, 2015.

Liechtenhan F.-D. La progression de l'interdit: les récit de voyage en Russie et leur critique à l'époque des tsars // Revue suisse d'histoire. 1993. Vol. 43. P. 15–41.

References

Adadurov, V. V. (2007). "Napoleonida" na shodi Jevropy: ujavlennja, proekty ta dijajl"nist' urjadu Francii' shhodo pivdenno-zahidnyh okrai'n Rosijs'koi' imperii' na pochatku XIX stolittja [The Napoleonide in the East of Europe: Notions, Projects and Activities of the French Government towards the South-western Frontiers of the Russian Empire in the Early 19th Century]. Lviv: UKU. (In Ukrainian)

Adadurov, V. V. (2017). *Voina tsivilizatsii. Sotsiokul'turnaia istoriia russkogo pokhoda Napoleona* [The War of Civilizations: a Socio-cultural History of Napoleon's Russian Campaign] (Vol. 1). Kiev: Laurus. (In Russian)

Bezotosny, V. M. (2012). *Rossii i Evropa v epokhu 1812 goda. Strategiia ili geopolitika* [Russia and Europe in the Age of 1812: Strategy or Geopolitics]. Moscow: Veche. (In Russian)

Bezotosny, V. M. (2014). *Rossii v napoleonovskikh voynakh 1805–1815 gg.* [Russia in the Napoleonic Wars, 1805–1815]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Chatenet, M. du (2003). *Jean-Baptiste de Traversay, ministr flota Rossiiskogo* [Jean-Baptiste de Traversay, Russian Naval Minister]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Cherkasov, P. P. (2004). *Ekaterina II i Liudovik XVI. Russko-frantsuzskie otnosheniia, 1774–1792* [Catherine II and Louis XVI: Russian-French Relations, 1774–1792]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Garner, B. A. (Ed.). (2009). *Black's Law Dictionary*. St. Paul: Thomson Reuters.

Golovachov, V. F. (1872). *Istoriia Sevastopolia kak russkogo porta* [A History of Sevastopol as Russian Port]. St Petersburg: Departament udelov. (In Russian)

Goncharuk, T. (2014). Sproby vprovadzhennja porto-franko na Kryms'komu pivostrovi naprykinci XVIII – u pershij polovyni XIX st. v konteksti borot'by za "vil'nu torgivlju" mist pidvernoi Ukraïny [Attempts of Introduction of Porto Franco in the Crimea in the Late 18th and Early 19th Centuries in the Context of the Struggle for "Free Trade" in the Cities of Southern Ukraine]. In V. Smolij (Ed.), *Krym vid antychnosti do s'ogodennja: istorychni studii* [The Crimea from Antiquity to These Days: Historical Essays] (pp. 334–346). Kiev: [n. p.]. (In Ukrainian)

Kapetanakis, P. (2015). *New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century)*. Athens: General Secretariat for Research and Technology.

Khrapunov, N. I. (2016). Krymskie drevnosti glazami Edvarda-Dan'ela Klarka: ot arkheologii k ideologii [Crimean Antiquities through the Eyes of Edward Daniel Clarke: From Archaeology to Ideology]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 18(3), 116–132. <http://dx.doi.org/10.15826/izv2.2016.18.3.047> (In Russian)

Khrapunov, N. I. (2017). Krymskaia missiia Zhana Reii [Jean Reuilly's Mission in the Crimea]. *Frantsuzskii ezhegodnik*, 113–140. (In Russian)

Khrapunov, N. I., & Konkin, D. V. (2017). Nekotorye aspekty izuchenii istorii Kryma v epokhu peremen [Few Aspects of Researches in the Crimean History in the Age of Changes]. In N. I. Khrapunov, & D. V. Konkin (Eds.), *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [The Problems of the Crimea's Integration into Russia, 1783–1825] (pp. 7–24). Sevastopol: Al'batros. (In Russian)

Konkin, D. V. (2017). Ekaterina II vo glave Novorossii (1791–1793 gg.) [Catherine II Governs New Russia (1791–1793)]. In *Romanovy i Krym. Nauchnye chteniia v Livadii* [The Romanovs and the Crimea. Scientific Readings in Livadia] (pp. 25–34). Yalta: Ribest. (In Russian)

Kralyuk, P. (2017). *Kozats'ka mifologiiia Ukraïni: tvortsi ta epigony* [Ukraine's Cossack Mythology: Creators and Epigones]. Kharkov: Folio. (In Ukrainian)

Lashkov, F. F. (1890). Materialy dlia istorii vtoroi turetskoi voiny 1787–1791 g. [Materials for the History of the Second Turkish War, 1787–1791]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 10, 79–106.

Lashkov, F. F. (1891). Materialy dlia istorii vtoroi turetskoi voiny 1787–1791 g. [Materials for the History of the Second Turkish War, 1787–1791]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 12, 75–81. (In Russian)

Liechtenhan, F.-D. (1993). La progression de l'interdit: les récit de voyage en Russie et leur critique à l'époque des tsars. *Revue suisse d'histoire*, 43, 15–41.

Lieven, D. (2012). *Rossiiia protiv Napoleona: bor'ba za Evropu, 1807–1814* [Russia Against Napoleon: the Struggle for Europe, 1807–1814]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Lopatin, V. S. (1992). *Potemkin i Suvorov* [Potemkin and Suvorov]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Markiewicz, A. I. (1913). Tavricheskaia guberniia v sviazi s epokhoi 1806–1814 godov [Taurida Governorate in Relation to the Age of 1806–1814]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 49, 1–100. (In Russian)

- Mitrofanov, A. A. (2006). Russko-frantsuzskie otnosheniia v zerkale bonapartistskoi propagandy (1800–1801 gg.) [Russian-French Relations in the Mirror of Bonaparte's Propaganda]. *Frantsuzskii ezhegodnik*, 130–145. (In Russian)
- Montesquieu, Ch. L. (1999). *O dukhe zakonov* [Spirit of Laws]. Moscow: Mysl'. (In Russian)
- Muftii-zade, I. (1899). Oчерк voennoi sluzhby krymskikh tatar s 1783 po 1899 god [An Essay of the Crimean Tatar Military Service from 1783 to 1899]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 30, 1–24. (In Russian)
- Orlik, O. V. (Ed.). (1999). *Istoriia vneshnei politiki Rossii. Pervaia polovina XIX veka (ot voin protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.)* [A History of Russian Foreign Policy: First Half of the 19th Century (from the Wars Against Napoleon to the Peace of Paris in 1856)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)
- Proskurina, V. Yu. (2017). *Imperiia pera Ekateriny II: literatura kak politika* [Catherine II's Empire of Pen: Literature as Politics]. Moscow: NLO. (In Russian)
- Sakovich, A (2016). *Krymskie tatarsy na voennoi sluzhbe Rossiiskoi imperii* (Crimean Tatars in Russian Military Service). Moscow: Russkie vitiazii. (In Russian)
- Schilder, N. K. (1897). *Imperator Aleksandr Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander I: His Life and Reign] (Vol. 3). St Petersburg: A. S. Suvorin. (In Russian)
- Sirotkin, V. G. (2003). *Hapoleon i Aleksandr I: Diplomatia i razvedka Napoleona i Aleksandra I v 1801–1812 gg.* [Napoleon and Alexander I: Diplomacy and Intelligence of Napoleon and Alexander I in 1801–1812]. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Sivolap, N. I. (1995). Pochemu Karamzin poekhal v Shveysarii? [Why Karamzin Travelled in Switzerland?]. In A. S. Namazova (Ed.), *Rossiia i Evropa: diplomatia i kul'tura* [Russia and Europe: Diplomacy and Culture] (pp. 141–152). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Sokolov, O. V. (2013). *Bitva dvukh imperii. 1805–1812* [The Struggle of Two Empires, 1805–1812]. Moscow; St Petersburg: Astrel. (In Russian)
- Stanislavskaya, A. M. (1962). *Russko-angliiskie otnosheniia i problemy Sredizemnomor'ia (1798–1807)* [Russian-English Relations and the Problems of the Mediterranean, 1798–1807]. Moscow: AN SSSR. (In Russian)
- Stroev, A. (2006). Rossiia glazami frantsuzov XVIII — nachala XIX veka [Russia as Viewed by the French in the Late 18th and Early 19th Centuries]. In *Logos 1991–2005: Izbrannoe* [Logos 1991–2005: a Selection] (Vol. 2, pp. 468–507). Moscow: Territoria budushchego. (In Russian)
- Tchoudinov, A. V. (2001). Frantsuzskie agenty o polozenii v Krymu nakanune russko-turetskoi voiny 1787–1791 godov [French Agents on the Situation in the Crimea on the Eve of the Russian-Ottoman War of 1787–1791]. In S. Ya. Karp et al. (Ed.), *Russko-frantsuzskie kul'turnye sviazi v epokhu Prosveshcheniia* [Russian-French Cultural Relations in the Enlightenment] (pp. 202–243). Moscow: RGGU. (In Russian)
- Timchenko, V. M. (2016). *Pivdennoukraïns'ki zemli u torgovel'nikh zv'iazkakh Rosiis'koi imperii ta Osmans'koi derzhavi (1774–1853 rr.)* [South Ukrainian Lands in Commercial Relations between the Russian Empire and the Ottoman Porte, 1774–1853]. Kiev: Oleg Filyuk. (In Ukrainian)
- Torkunov, A. V., & Narinsky, M. M. (Eds.). (2012). *Evropeiskaia diplomatia i mezhdunarodnye protsessy epokhi Napoleonovskikh voïn* [European Diplomacy and International Processes in the Age of Napoleonic Wars]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian)
- Vasilyev, A. A. et al. (2004). *Otechestvennaia voïna 1812 goda: entsyklopediia* [Patriotic War of 1812: An Encyclopaedia]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Waliszewski, K. (n. d.). *Roman odnoi imperatritsy* [A Romance of an Empress]. Simferopol: Tavriia. (In Russian)
- Wolff, L. (2003). *Izobretaia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia* [Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment]. Moscow: NLO. (In Russian)
- Zorin, A. L. (2004). *Kormia dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaia ideologiia v Rossii v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka* [Feeding the Wo-headed Eagle: Literature and State

Ideology in Russia from the Last Third of the 18th to the First Third of the 19th Century]. Moscow: NLO. (In Russian)

Храпунов Никита Игоревич

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
295007, Республика Крым, Симферополь,
пр. академика Вернадского, 4
E-mail: khrapunovni@gmail.com

Khrapunov, Nikita Igorevich

PhD (History), Leading Researcher
History and Archaeology
of the Crimea Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4, Academician Vernadsky Ave.,
295007 Simferopol, Republic of the Crimea,
Russia
Email: khrapunovni@gmail.com
Scopus ID: 57201662517